

**«В конечном счете важны не годы в вашей жизни,
а жизнь в ваших годах».**

Авраам Линкольн.

Январское серое утро постепенно вливало в дом. За окном мощно шумела «низовка» (северный телецкий ветер), тревожа прибрежные скалы яростными ударами волн, позванивая подвешенными под крышей медными колокольчиками и бросаясь снежными зарядами. Вставать не хотелось. Как всегда. Однако обязанности перед близкими, работой и самим собой заставили сбросить уютное пуховое одеяло и вздрогнуть от прикосновения к прохладным половицам. Принести ведро колодезной воды для, ставшего уже традиционным, утреннего «криотерапевтического» моциона, затопить печь, сварить кофе – всё это на автомате, ещё в полусне и мысленной дрёме. Но вот весело гудит печка, кошки накормлены, зубы почищены и с одним полотенцем на бёдрах я выхожу на мороз и ветер под кухонное окно, где вода в ведре уже покрылась тонкой корочкой льда. Босые ноги на снежной дорожке и пронизывающий хиус моментально взбадривают тело, ум и сердце, а обжигающий поток льющейся на плечи, спину и грудь телецкой живой водицы заводит ум за разум и в голове и теле сразу становится всё ясно и весело. И уже окончательно проснувшись и с желанием к работе возвращаюсь в дом, где меня встречают тепло деревенской сибирской печи и желанный запах свежесваренного кофе... И приходят воспоминания... Воспоминания о походах и напарниках. И хочется рассказать о том, что было когда-то и что осталось навсегда в памяти сердца. Сегодня это будет рассказ о Сергее Спицыне, ведущем научном сотруднике Алтайского биосферного заповедника.

В который уже раз бурный Онгураж преградил нам путь. Вновь приходится останавливаться, сбрасывать опостылевшие рюкзаки – «спиногрызы» и искать или брод (что очень маловероятно в начале лета), или естественный мост, или подходящее дерево для устройства моста. Порой нам везёт, и на пути встречается завал через реку и мы без особого труда переходим на другую сторону. Но чаще приходится доставать топоры и самим строить переправу. На этот раз подходящее дерево оказалось на другой стороне реки. Бурный поток Онгуража в этом месте делал широкий плавный изгиб, на протяжении которого обнаружилось наличие длинного плеса и галечных отмелей, которые позволяли с некоторой осторожностью переправиться на другую сторону. Переправиться, чтобы сделать мост. Кто-то один должен был оголиться «до без ничего» и попытаться перейти бурный поток. Даже не перейти, а переплыть, потому что вода в этом месте доходила до пояса, а скорость её такова, что устоять невозможно – сразу сбивает с ног. Хотели бросить жребий, но Сергей Спицын, как начальник нашей патрульной группы, волевым решением взял инициативу на себя. Для страховки мы с Игорем Савинским обвязали его арканом и Сергей бросился в холодный бурный поток. Потом он в одиночку топором свалил, предварительно очистив от веток, растущую на берегу небольшую ель и мы, навесив страховку, благополучно перешли сами и перенесли рюкзаки и карабины. Разожгли костёр, обсушились – обогрелись, сварили и выпили чаю с сухарями. И двинулись дальше. Заканчивалась третья неделя нашего патрульного обхода по маршруту Джулукль – Язула – Бошкон - Чульча – Телецкое озеро. Кроме патрулирования, в наши обязанности входила чистка тропы и подготовка места и материалов к строительству базы патрульной группы Алтайского государственного природного заповедника на озере Яхонсору. Это был 1989 год и это было мое первое патрулирование.

Сергей Спицын пришел на работу в Алтайский заповедник в 1983 году сразу после демобилизации из рядов Советской Армии, где служил в ракетных войсках стратегического назначения. В армии он увидел фильм об Алтайском заповеднике, проникся красотой Горного Алтая и решил посвятить свою жизнь охране природы этого удивительного края. Как и всем вновь принятым на работу в заповедник, ему пришлось пройти испытательный срок в хозяйственном отделе. Для проживания Сергею выделили комнату в продуваемой всеми ветрами гостинице-заежке в поселке Яйлю. Это было практически все, что мог предложить заповедник молодому сотруднику. Однако армейская закалка и природное терпение позволяли легко переносить бытовые трудности. После прохождения трёхмесячного испытательного срока Сергея Спицына перевели в отдел охраны. С тех далёких уже времён и началась его природоохранная эпопея, которая успешно продолжается и по сегодняшний день.

Лыжный переход от массива Архарий до Узун-Оюка никогда и ни у кого не внушал особого оптимизма. С самого утра, когда после завтрака ты становишься на лыжи и вместе со своим рюкзаком – «спиногрызом» быстро

спускаешься в долину Богояжа, перед твоим взором открывается весь дневной путь, который предстоит пройти: Джулукульская котловина, в декабрьские морозы заставляющая вспомнить рассказы Джека Лондона о застывающем на лету плевке и погибших от невозможности разжечь костёр замёрзшими руками «чечако». Но самое губительное, что есть в этом переходе – с самого утра ты видишь большую ледниковую гриву и избушку, стоящую на ней, к которой ты должен прийти поздно вечером (если успеешь...). И каждый раз, когда ты поднимаешь свой взор от лыжни, ты видишь возделенную избушку, где тебя ждут печка, чай и отдых, и которая никак не приближается...

Мы с Сергеем вышли пораньше, чтобы успеть к ночи до Узун-Оюка. Быстро спустились к Богояжу и бодро зашуршали лыжами твердому насту. Утреннее весёлое солнце внушало надежду, что к концу дня мы будем пить чай у гудящей печки. Однако с выходом на Чулышман солнце скрылось в морозной дымке, встречный ветер – «хиус» продувал насквозь, а твердый наст сменился глубоким перемерзшим снегом, в который мы стали проваливаться выше колен. Скорость нашего перехода резко упала. Желанная избушка с печкой и чаем скрылась в морозной мгле. Появилось ощущение, что кроме нас в этой стылой снежной пустыне никого нет, и никогда не будет конца нашему пути. К вечеру, когда ранние декабрьские сумерки скрыли вершины гор и мы потеряли привычные ориентиры, легкий «хиус» сначала перешёл в мелкую поземку, а потом в метель. Изредка сквозь рваные несущиеся облака проскакивала луна. Её спокойный, какой-то больничный свет, действовал гипнотически. Мне казалось, что ещё немного и мы выйдем к озеру Янкулю, а там и рукой подать до избушки. Однако Сергей, не смотря на моё предложение идти до избушки, настоял на том, чтобы поставить палатку и заночевать. «Разгулявшаяся пурга, ночь, отсутствие ориентиров могут нас завести очень далеко от избушки, » – говорил он. «Мы просто можем заблудиться и потерять и силы и время, » - добавил Сергей, чем и убедил меня.

Ночёвка в горной тундре без костра и горячего чая не внушает оптимизма. Но делать нечего, поставив палатку, пожевав цукаты и «запив» их снегом, мы завернулись в спальники и, под пение вьюги и шуршание снега по стенам нашего «домика», окунулись в тревожный, дерганный сон.

Солнце пробилось сквозь ткань палатки и заиграло весёлыми зайчиками по нашим обросшим и обветренным лицам. Я первым осмелился выскочить из спальника и, прыгая на одной ноге, вывалился из нашего домика. Первое, что я увидел – часть нашей вечерней лыжни, которую по какой-то непонятной причине не занесло снегом. Она направлялась в Тасту-Оюк. И если бы Сергей не остановил нас, мы были бы сейчас в другой части Джулукульской котловины и в ещё одном переходе от цели нашего вчерашнего путешествия....

За годы работы в Алтайском биосферном заповеднике Сергей Спицын прошёл путь от лесника до заместителя директора по охране, получил высшее образование, вырастил троих детей. Стоял у истоков ведущейся уже около тридцати лет планомерной работы по изучению и сохранению популяций снежного барса и алтайского барана «Аргали», ловил браконьеров, строил мосты и избушки, внедрял первый опыт экологическое домостроение в Яйлю и был одним из инициаторов создания Общественного Совета нашей заповедной деревни, ставшим к настоящему времени основой зарегистрированного Территориально Общественного Совета. Сейчас Сергей, приобретя бесценный опыт, перешёл на работу в научный отдел и полностью посвятил себя восстановлению уже упомянутых популяций Ирбиса и Аргали на Алтае. Его редко можно увидеть дома, маршруты его экспедиций пролегают в отдалённых местах Алтайского заповедника, хребтов Чихачёва и Сайлюгема, в сказочных долинах Аргута и Шавлы, где ещё встречаются снежные барсы и которых необходимо сохранить.

Подходила к концу вторая неделя нашего патрулирования высокогорной Джундукульской котловины и долины Богояжа. За этот десяток морозных коротких декабрьских дней мы обследовали почти все укромные местечки, где ещё могли оставаться архары, выдавленные со своих традиционных пастбищ табунами лошадей и стадами сарлыков, загоняемых на зимовку в заповедник тувинскими скотоводами. Самих пастухов мы не застали, попытки самостоятельно выгнать резвых коней и упрямых сарлыков не увенчались успехом – с большим изумлением смотрели на нас полудикие домашние

животные, когда на камусных лыжах мы пытались опередить их на крутых склонах горного массива Архарий. Но присутствие нарушителей заповедного режима было зафиксировано: пересчитали коней, быков и коров с телятами, составили протокола и акты и засобирались домой на Телецкое озеро, в Яйлю, до которого было всего-то пара сотен километров...

Избушка у склона Архария, приютившая нас на эти две недели, с грустью следила за нашими тщательными сборами – так ей не хотелось оставаться в стылых декабрьских морозах одной напротив Шапшальского хребта до следующего прихода патрульной группы. Однако, не смотря на уют и тепло, которые она нам дарила всё это время, мы должны были покинуть её, чтобы пройти «по долинам и по взгорьям» и посмотреть – а всё ли в порядке в других далёких заповедных уголках. И вот рюкзаки упакованы, оружие и бинокли привычно примостились за спиной и на груди, лыжи уже нетерпеливо поскрипывали свежесвыпавшим снегом – всё, вперёд!

Вышли рано, около 7 часов утра. Перед нами лежал Богояж, за ним долина Чулышмана и там, далеко, была видна заповедная избушка Стремечко, примостившаяся на верхушке длинной ледниковой гривы у небольшого озерца в форме конского стремени. Её было видно почти с самого начала нашего перехода, хотя расстояние до неё было не менее 40 километров... Пообедали уже в Чулышмане, спрятавшись от поднимающейся метели среди его крутых обрывистых берегов и запив пару-тройку бутербродов опостылевшим за время пребывания в горах чаем из талого снега и льда, в который сколько не сыпь заварки, сколько не добавляй разных травок – а он всё равно пустой, дистиллированный...

Потом была холодная ночёвка в придавленной снегом палатке, день отдыха на Стремечке, и вот, наконец-то, мы пересекаем Топчиху и видим верхушки кедрачей! Лес, тайга, родниковая вода..... Последний привал под могучим кедром перед спуском в долину Сай-Хоныша, последний котелок чая из талого снега. А в самом низу долины мы услышали журчание ручья, доносившееся из-под полутораметрового снежного сугроба, и не могли не остановиться. Сергей Спицын, руководитель нашей «двухместной» патрульной группы» (в те далёкие уже 90-ые года нам не раз приходилось уходить в многодневные оперативные рейды вдвоём – другого выхода не было...), не снимая рюкзака, своим длинным кайком (такая палка-посох для ходьбы на камусных лыжах) разгрёб снежный сугроб и его концом, вырезанным в форме чаши, зачерпнул живой воды и налил в уже протянутую мной кружку. И я выпил.... Ничего вкуснее я никогда не пил. Жаркая волна прошла по всему телу и ударила в голову. Чувство хмельного задора и весёлой озорной силы овладело мной. Сергей вновь зачерпнул воды своим посохом, наполнил кружку в моей руке и я протянул ему живительной влаги. Он выпил, и его суровое исхудавшее лицо расцвело в безудержной улыбке...

Прошло двадцать лет, но мне до сих пор кажется, что, если бы мы не стояли почти по пояс в снегу, мы пустились бы дикий первобытный танец от ощущения силы и бодрости, которая влилась в нас родниковой водой Сай-Хоныша.

Успехов и Здоровья тебе, Напарник! Пусть жизнь твоя будет подобна живой воде Алтая и все, пригубившие её, почувствуют Веру в свои силы, Надежду в исполнении желаний и Любовь этого мира!

Евгений Веселовский, 2014 год.

Фото – Александр Лотов,
Алтайский биосферный заповедник.